

Стелла Блейз

Агрегатное состояние души

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стелла Блейз

Агрегатное состояние души

«Автор»

2026

Блейз С.

Агрегатное состояние души / С. Блейз — «Автор», 2026

Душа, как вода, имеет свои агрегатные состояния: твердеет, когда нужно защищать самое дорогое; тает, когда захлестывают эмоции; испаряется, когда сил больше нет. Эрик не знает, к какому состоянию привыкать. Он заменяет отца ребенку, пока его родной отец-художник живет в мире красок и образов. Он ведет предвыборную гонку против человека, которого презирает. Он позволяет кукловоду дергать за ниточки, потому что слишком многим ему обязан. И ничто не спасет от правды, которая бьет в самое уязвимое место: человек, которого Эрик ненавидит, связан с ним куда сильнее, чем можно предположить. "Агрегатное состояние души" – роман о том, что самое сложное в борьбе – не победить врага, а не потерять себя.

© Блейз С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Агрегатное состояние души

Глава 1

Предисловие

«Things are not always what they seem; the first appearance deceives many» — Phaedrus

Трек: Behind Blue Eyes — Limp Bizkit

Детская ладошка прикрывает рисунок:

— Не смотри, пока не готово!

— А что ты рисуешь? — высунутый от усердия кончик языка умиляет, я улыбаюсь.

— Твою душу... — тянет загадочно.

— Душу? Ну ты даешь, Лисенок! И какая же она по-твоему, моя душа? — меня сложно удивить, но он умеет огорошить.

— А ты как думаешь?

Зависаю на пару минут, но собираюсь с мыслями и напрягаю воображение, а то обидится.

— Наверное, похожа на подгнившее яблоко, неказистое, с темным пятнышком на боку и червяком внутри?

— Шутить, что ли? Подожди, сейчас покажу!

Он убирает ладошку с рисунка и гордо демонстрирует свою работу. Лисенок, безусловно, так же талантлив, как и его отец, кажется, дар в их семье передается по мужской линии. Лично я из рисунков могу выдать разве что схематичную елку из треугольников да домик, из трубы которого спиралью поднимается дымок. На большее таланта не хватает. А у него на листе рукавичка грубой вязки из овечьей шерсти крупным планом — как настоящая. А на ней — снежинка, резная, тонкая и хрупкая, с идеально ровными лучиками-стрелами.

— Вот она! Красивая, правда?

— Моя душа похожа на варезку? — притворно изумляюсь я.

— Какую еще варезку? — хихикает он. — Вечно ты меня смешишь! Нет, твоя душа — это снежинка. Кажется, просто крупинка из замерзшей воды, а рассмотришь — сказочный цветок с тонкими лепестками. А как без варезки снежинку-то поймать? Схватишь — и она растает, и останешься ни с чем. Лучики не рассмотришь, не поймешь, какая она красивая. Поэтому я варезку и нарисовал, вот.

Две мысли борются в моей голове, споря между собой. Одна, тщеславная, шепчет: «Настоящий художник, конечно, тот, кому дано увидеть то, что другим не под силу». Другая, куда более скептическая, посмеивается: «Красота в глазах смотрящего, поэтому реальность о-очень сильно приукрашена».

Светленькие бровки чуть нахмурены, трудная задача — объяснить мне, бестолковому:

— Твоя душа такая же — красивая и хрупкая. Только удержать нельзя: исчезнет и оставит тебя ни с чем. А ты и не поймешь, какая она удивительная! И новогоднее волшебство мимо тебя пройдет!

— Ого! Значит, я еще и новогодний волшебник? Дед Мороз что ли?

— Нет, Ты Кай из «Снежной королевы», только старый. Помнишь, мы читали? Кстати, — оживает Лисенок, — ты обещал новую сказку. Расскажешь?

— Про Кая?

— Нет, про себя! — решительно качает головой.

— А с чего начать?

— Глупый, с начала, конечно! — разводит он руками.

— А если сказка будет страшной?

— Это ничего, главное, чтобы со счастливым концом, — хитро улыбается и пытается подмигнуть, не зря же вчера полдня этому учился, отрабатывая перед зеркалом. А я задумываюсь, много ли нужно приукрасить в моей сказке, чтобы она была понятна, интересна, а, главное, поучительна для мальчишки-второклассника. Не легче ли все придумать заново и переписать начисто? Решаю следовать годами проверенной тактике — ввязаться в историю, начать, а там по ходу сориентироваться!

Глава 1

«Life is either a daring adventure or nothing at all» — Helen Keller

Трек: Ends of the Earth — Lord Huron

Сколько себя помню, я был маменькиным сынком, радостью и надеждой, единственным светом в окошке, который никак не мог подвести и разочаровать. Школу закончил с медалью, ведь мамочка так хотела. Участвовал в шахматных турнирах — так делали все умные мальчишки из хороших семей. Ходил в музыкальную школу — благо, хоть играл на гитаре, а не на скрипочке, как настоящие ботаники. Побеждал в олимпиадах и учил два языка со стареньким репетитором, лысенским дядечкой, трепетным доцентом с иныяз; мама о таком образовании только мечтала, возможности в ее время были абсолютно другими. Имел румяные щечки, не забывал говорить «спасибо» и уступать места старушкам в автобусе. Выглядел до тошноты благопристойно. Старался оправдать доверие мамочки и не подвести.

В школе меня любили учителя, а дети не очень: я оставался для них пустым местом, тусклым пятном на фоне школьной доски, ничем не примечательным и неинтересным до такой степени, что даже смеяться надо мной было лень. Мои одноклассники курили, били морды и татуировки, мои однокурсники и однокурсницы крутили романы, женились, расходились, бросали учебу, подрабатывали барменами, ходили в клубы, горланили в караоке, влюблялись — и все это по кругу, как заезженная пластинка. А я все так же скромно улыбался, помогал бабушке-соседке и гулял только с песиком. Благо хоть щечки сошли — после первой сессии из-за волнений приключился гастрит, потом по моей безалаберности и недосмотру врачей перешедший в язву, так что пришлось сесть на диету и сменить пирожки на овощи на пару и безвкусную куриную грудку, такую же пресную, как моя жизнь.

Мама мной гордилась, тихо плакала в день зачисления в институт и хвалилась знакомым. Для меня она так и оставалась ангелом, который защищал от плохих снов и злых собак в детстве. И хотя со временем мне начало казаться, что я живу не своей жизнью, винил я в этом только себя. Мама ведь посвятила мне всю жизнь, надрываясь на двух работах, за что мне всегда было непреодолимо стыдно. Она смогла дать мне достойное образование, ни в чем не отказывала и воспитала меня достойным человеком (по ее мнению и мнению соседей, конечно).

Все внезапно изменилось после вручения диплома — естественно, красного, куда же денешься от синдрома отличника. Не знаю, почему меня переключило, но вдруг стало тошно — от жизни, правильной и расписанной по минутам, от притворных улыбок и сдерживаемых эмоций («ты не можешь грубить, ты же из хорошей семьи!»), от себя самого. Я не то чтобы затеял бунт, но хотя бы понял, что в жизни надо что-то менять. Мама, конечно, сразу же достала альбом с моими детскими фотографиями, покачала головой сочувственно и заявила: «Весь в отца, гены-то не обманешь!»

Про отца я, сказать по правде, знал немного. От него я получил только светло-серые глаза и неподходящее для провинции имя Эрик, абсолютно не сочетающееся с маминой русской фамилией.

В чем состоял мой бунт? Нет, я не набил татуировку в пол-лица, не поругался с мамой и даже не женился на блондинке, которая от меня случайно забеременела. На это я был не способен. Я всего лишь вспомнил текст из школьного учебника французского про Жюль Верна, который, будучи одиннадцатилетним мальчишкой, пытался тайно устроиться юнгой на трех-

мачтовый корабль, чтобы утолить жажду приключений, а заодно раздобыть коралловые бусы для любимой кузины Каролины. Мне, как маленькому Жюлю, захотелось путешествий, приключений, соленого запаха моря, а главное, свободы. Вы думаете, я поступил в мореходное училище? Прошел медкомиссию, несмотря на то, что был ограниченно годен в армию из-за язвы, и попросился служить во флот? Нет, конечно! Я и сам не знал, в чем заключалась для меня свобода в тот момент, поэтому решил начать с малого — я просто собрал вещи и уехал в Москву — искать работу, искать себя, искать хоть какой-то выход из этой правильной, расписанной по минутам жизни. Абсолютно чужой...

Столица, конечно же, ждала меня с распростертыми объятиями, ведь таких воспитанных мальчиков из хорошей семьи с красным дипломом провинциального инызя там никогда не видели. Я ходил на собеседования и понимал, что вариантов немного — либо работать учителем иностранного за сущие копейки, либо отдать улыбчивому менеджеру приличную сумму за обучение с гипотетически возможным, но в реальности маловероятным трудоустройством на престижную должность. В общем, суровая реальность похоронила под собой мечты. Хотя я даже начал строить планы по открытию собственного бизнеса. Оставалась сущая мелочь: найти, где взять стартовый капитал, научиться вести дела и чуть поумнеть — чтобы наконец понять, что быть успешным бизнесменом — это не мое.

Помыкавшись около месяца, я уже морально готовился уехать из столицы ни с чем домой к маме. И тут, как в любой сказке со счастливым концом, случилась та самая судьбоносная встреча — будто добрый волшебник заметил, что я стою на перепутье и не знаю, куда идти.

Мой самый преданный слушатель трет глазки, синие, как небо за полчаса до рассвета, и задает вопрос, ответ на который ему прекрасно известен:

— Это ведь был мой папа?

Отвечаю, стараясь ничем не выдать своих эмоций:

— Да, вот он-то настоящий добрый волшебник. Давай ложиться спать, Лисенок, поздно уже!

Он быстро засыпает, а я лихорадочно вспоминаю свой рассказ — не сказал ли чего непонятного, лишнего, не предназначенного для детских ушей. С ним ведь надо быть осторожнее — ушки на макушке, и умен не по годам!

Глава 2

Глава 2

«The meeting of two personalities is like the contact of two chemical substances: if there is any reaction, both are transformed» — Carl Jung

Трек: Amazing — Aerosmith

Вечером мы сидим у камина, он собирает любимый конструктор, я сижу за ноутбуком и пытаюсь работать. И вдруг неожиданно слышу:

— А что было дальше? Вы с папой поехали на море?

Я вновь напрягаюсь, боясь сболтнуть лишнего и превратить сказку со счастливым концом в нечто nepотpeбное. Например, в историю, где глупый старый Кай, совершив подлость, рушит свою жизнь, заставляя страдать самых близких. Собираюсь с мыслями и продолжаю рассказ.

Деньги и терпение подходили к концу, а я все шлялся по собеседованиям, надеясь непонятно на что. Отличник с презентабельной внешностью, молодой и амбициозный выпускник со знанием языков — просто соискатель мечты без опыта работы. Сначала были солидные офисы с представительными секьюрити, заоблачные понты с не менее заоблачными обещаниями доходов и карьерных перспектив. По мере того, как мои требования к будущей работе и зарплатные ожидания постепенно снижались, лица и машины на офисных парковках становились все проще, а работа мечты все также не находилась. Я был согласен на должность администратора, гида, менеджера, переводчика, редактора, копирайтера... В реальности требовались грузчики, электросварщики, автомеханики, официанты, водители-дальнобойщики и даже укладчики-упаковщики колбасных изделий. Ну, и школьные учителя с нищенской зарплатой, конечно, они требуются всегда. В общем, после очередного «Мы вам позвоним!» я шел по набережной, смотрел на чаек и завидовал им. Их не интересуют ни поиски работы, ни собеседования с пустыми обещаниями и несбыточными надеждами. А если надоела Москва-река, можно размять крылья — и улететь на море, а потом качаться на волнах, ловить блестящих рыбок с переливающейся на солнце чешуей, и наслаждаться свободой. Хотя чаек, наверное, и здесь неплохо кормят. А романтика странствий им чужда в отличие от Жюль Верна.

Какие-то пьяные крики, в которых едва можно было разобрать хоть одно цензурное слово, и оглушительный грохот отвлекли меня от фантазий. Трое люмпенов в изрядном подпитии вопили и крушили что-то, пиная ногами. Обычно я держался подальше от таких личностей, но тут вдруг мой взгляд зацепился за яркое пятно на асфальте. Картина, разорванная, с отпечатком ботинка посередине, изображала море: бескрайний простор, безмятежное закатное солнце и корабль, едва видимый у линии горизонта. Чайка парила над волнами: моя фантазия ожила на холсте. Я вдруг понял, что именно так выглядело море в моих детских снах — спокойное, безбрежное, с одиноким странником-кораблем. Длинноволосый парень в темно-серой грязной куртке с наполовину оторванным капюшоном пытался спасти другие холсты, не так сильно пострадавшие, от ярости пьяных подонков, однако силы были явно неравны.

Я, борец за права униженных и оскорбленных на минималках, ни разу в жизни не участвовавший в драке, вдруг впервые за двадцать с лишним лет почувствовал, что должен заступиться за чайку, корабль, искусство и длинноволосого художника. Ничего не соображая, я направил на бомжей телефон и заорал: «Фиксирую все на камеру, полиция уже едет!» Я не рассчитывал, что пьяные вообще способны реагировать на крики, однако спектакль настойчиво продолжал, истошно подвывая: «Мужчины, помогите, на человека напали!»

Прохожие шарахались от нашей странной компании. На помощь, конечно, никто не спешил, но, неожиданно для меня, сказав на русском полуматерном что-то вроде «мусоров нам только не хватало», гопники оставили свою жертву с картинами в покое и скрылись за углом.

«Ого, бабуля говорила: на всякий случай и палка стреляет!» — удивленно подумал я о своей первой победе над вселенским злом и присел на корточки рядом с парнем. Под глазом у него уже наливался синяк, на разбитой губе запеклась кровь, но он улыбался со странной безмятежностью, почти радостно, будто драка для него стала чем-то вроде признания.

— Ты крутой! Спасибо! — услышал я.

— Чайка... — как идиот, протянул я, не сводя глаз с испорченной картины.

— Любишь марину? — кто про что, а художнику сразу любовь подавай.

— Какую еще Марину? Никого я не люблю.

— Марину... в смысле, пейзажи с морскими видами.

— Не знаю, не задумывался, — до меня, как обычно, не сразу дошло, что он говорил о работах художников-маринистов.

— Значит, ты — просто Дон Кихот, вступающийся за угнетенных, и карающий злодеев? — подмигнул деятель искусств.

— Очень далеко от истины! — я начал осознавать, что я не Дон Кихот, а клинический идиот, которого только сейчас начало колотить от осознания всей тупости ситуации, произошедшей пять минут назад.

В критических ситуациях меня несло: молча покинуть поле боя было выше моих сил.

— Что спровоцировало столь роковой конфликт служителя муз с недостойными маргиналами? — я кивнул на пострадавшие холсты.

— У нас возник небольшой спор по вопросам богословия, — ухмыльнулся художник.

— Не сошлись в одном пункте из святого Августина? — отсылка к «Трем мушкетерам», любимой книге моей мамы, была слишком явной, чтобы ее игнорировать.

— Респект, — протянутую грязную ладонь художник предвзвешенно вытер о джинсы. — Я, кстати, Ник!

— Как Рерих? — не удержался я от игры в имена.

— Хотелось бы, но нет, — картинно вздохнул он.

— Тогда как Пиросмани?

— Ого! Вспомнил про «Миллион алых роз»? — задорно улыбнулся парень.

— Конечно, это ж любой интеллектуал знать должен. Сейчас такой музыки и не пишут.

— Кстати, с Пиросмани тоже мимо — ни миллиона, ни роз у меня нет. Общего у нас только то, что мы нищие художники-самоучки.

— Но имя-то общее?

— Не-е, я Ник, который Никита, а не который Николай, так что ни Рерих, ни Пиросмани мне даже не тезки. Снова блеснешь эрудицией и все-таки назовешь художника с моим именем?

— Знаю только Номерза из Нижнего с его «Живыми стенами».

— Да, я видел его стрит-арт, реально оживляет старые здания. А ты, рыцарь, кстати, так и не представился.

— Эрик.

— Как Ремарк? Или как хитрый викинг, который открыл Гренландию и наврал всем, что она «green»? — подача в турнире интеллектуалов отбита, мяч на моей стороне.

— Не-е, викинг — это вряд ли. Да и Ремарка вообще-то Эрих звали. Я скорее, как Эрик, который Призрак Оперы.

— Любишь театр? — заинтересованно проговорил он.

— Просто всю жизнь ношу маску, за которой никто не видит моего реального лица, — драматично откликнулся я.

Мы были до жути довольны друг другом и нашим интеллектуальным диалогом.

— А чего они до тебя докопались? — задал я давно волнующий меня вопрос.

— Не знаю. Решил нести искусство в массы, продать свои картины на улице, как это делают коллеги по цеху. Но потом, как всегда, сболтнул лишнего и получил ответочку от проходивших мимо персонажей, более похожих на приматов, чем на людей.

Три картины — чайка над морем, барханы пустыни и закатное солнце, садящееся за горы, — были безнадежно испорчены. Ник без лишних слов швырнул их в мусорный бак, и у меня внутри все сжалось: столько труда, столько души — и вот так в один миг в урну. Оставшиеся две работы, по странному совпадению изображавшие не природу, а городские пейзажи, почти не пострадали.

— Ужасно жалко, — кивнул я в сторону выброшенных холстов, а на глаза даже слезы навернулись. — Такая красота испорчена.

— Да ладно, еще нарисую.

— Такой труд! А эти варвары...

— Да какой же это труд, это любимое занятие, — лукаво подмигнул Ник. — Знаешь, я могу не есть, не пить целый день, не спать пару ночей, а вот без красок и кисти будет невыносимо. Бесцветно и тошно!

Мой преданный слушатель затих, пальцем ковыряя дырку в покрывале на кресле.

— *И вы подружились?* — первый вопрос за время сегодняшнего рассказа, хотя обычно слышу их по паре в минуту.

— Да, с ним невозможно было не подружиться. Он, как рассвет с его картины, — согревал всех своим теплом и талантом. Его душа — точно не снежинка. Пожалуй, она как луч солнца: щедрый, бескорыстный и яркий.

— *И вы вместе отправились в сказочную страну, навстречу приключениям?*

— Все-то ты знаешь, Лисенок!

— А как она называлась? Асгард, как небесный город в скандинавских мифах? Помнишь, мы читали?

— На небесные чертоги и на мир богов то место было мало похоже. Пусть в нашей сказке это место будет называться Аквагард, суровый северный порт с крепостью на берегу моря.

— Красивое название, — мечтательно протянул он.

— Давай я продолжу завтра.

— Расскажешь побольше?

— Если будешь хорошо себя вести, Лисенок.

— Ты всегда так говоришь. Но длина твоих рассказов не зависит от моего поведения! А жаль!

Замолкает после очередной умной фразы, а я погружаюсь в воспоминания.

Неделю я прожил в комнатухе, которую снимал Ник, и куда он пустил меня по доброте душевной. А потом он неожиданно предложил поехать в затерянный городок за полярным кругом на берегу Баренцева моря, где когда-то и правда была деревянная крепость.

Ник доказывал мне, что в этом захолустье точно требуются рабочие руки, да и зарплата в Заполярье высокая. Думаете, я возражал? Отговаривал от поездки? Нет, конечно! Я ведь и сам давно хотел посмотреть на северное сияние и белые просторы. К тому же по семейной легенде мой отец был родом из этих суровых краев, которым мое северное имя соответствовало гораздо больше, чем средней полосе. Короче, одиннадцатилетний мечтатель Жюль Верн точно пришел бы в восторг от открывающихся перспектив.

Глава 3

Глава 3

«The secret of happiness is freedom, and the secret of freedom is courage» — Thucydides

Трек: Redemption Song — Bob Marley & The Wailers

— Ну и как вас с папой встретил Аквагард? — Лисенок требует продолжения истории с самого утра. — Злой король был в ярости, потому что два рыцаря приехали его победить?

— Лисенок, ты придумываешь сказки лучше меня. Зачем тогда рассказывать дальше? — разыгрываю я обиду.

— Нет, рассказывай! — настаивает он. — Могу сто дней подряд слушать твои истории. И мне не надоест, правда!

Интересно, это потому что у меня хорошая фантазия? Или, может, ребенку просто не хватает внимания?

Лихорадочно перебираю в голове воспоминания, которые почему-то представляются пожелтевшими страницами фотоальбома. Я могу забыть, куда положил телефон, могу тупить на кассе, вспоминая ПИН-код, но я никогда не забуду тех безбашенных парней, которые приехали в заснеженный город.

— Эй, ты заснул? — теребит меня мое чудо.

— Лисенок, подожди, дай собраться с мыслями...

Как рассказать моему мальчику о беспросветной безнадеге города за полярным кругом? О хмурых людях, которые, увязая в сугробах, спешат домой, в обшарпанную хрущевку со сквозняком из окон, заиндевевшими стенами, тараканами на кухне и вонючим подъездом? Как описать зиму с обжигающим ветром, экстремальными морозами и свинцовой тьмой, сквозь которую едва-едва пробивается призрачный свет луны?

Настоящий Аквагард оказался далеко не сказочным.

Постоянно сонный, с потрескавшимися от мороза ладонями и покрасневшими от ветра глазами, я снова искал работу, теперь уже в условиях угрюмой северной ночи. Тогда я злился на себя и весь мир за свое решение переехать. Хотя было ли оно моим?

Зарплаты в этом отвратительном месте были чуть выше, чем в моем родном Подмосковье. Но конские цены, отсутствие выбора в магазинах, ужасно дорогой интернет, плохая вода, постоянные ветра и метели компенсировали все. Денег на то, чтоб вернуться, нам не хватало, так что мы в конце концов устроились в школу: я — учителем английского, а Ник — руководителем изостудии и фотокружка. Школьники, такие же хмурые и не выспавшиеся, как мы, не интересовались ни живописью, ни фотографией. Книг не читали, кино не смотрели, а из английского знали в лучшем случае одну легендарную фразу из «Mortal Combat». Ситуация удручала.

Зато нам дали служебное жилье — общежитие барачного типа с удобствами на этаже, где из-под крана текла ржавая, чуть теплая вода.

Как-то раз мы готовили себе обед — дешевые макароны с тушенкой — на общей кухне, пропахшей кошачьей мочой. В тот момент я решил спросить Ника:

— Почему ты выбрал именно этот город?

Знаешь, какой был ответ?

— Ну ... здесь так красиво, — мечтательно улыбнулся Ник, сидя на хлипком подоконнике. — Однажды я видел фильм о русском севере. Знаешь, как меня поразили полярные сумерки! А длинные тени от низкого солнца? Они создают такой удивительный рассеянный свет, что восприятие пространства меняется. Я захотел увидеть все это своими глазами, и вот — вижу.

— Подожди, мы приехали сюда только из-за длинных теней? — от удивления я едва не всыпал в сковородку с тушенкой всю пачку перца.

— А, да нет, конечно, — опомнился Ник. — Я тогда в Москве встретился с суровым северным мужиком. Лицо обветренное, глаза усталые. Он рассказал мне об этом городе, о его жителях, о природе. Увидел, что я заинтересовался, и пригласил приехать. Даже оставил свой номер и пообещал помочь, если что.

— То есть все из-за мужика и теней?

— Ну да. Так в Москве все равно не складывалось! Вот я и предложил переехать. И зарплаты-то здесь правда выше, ну!

Я бездумно помешивал лопаткой жирную тушенку, сверля взглядом стену, и даже не заметил, как макароны уже закипели. Поняв, что моя рассеянность может лишить нас обеда, Ник лихо спрыгнул с подоконника, снял кастрюлю с плиты и пошел сливать воду. Сизый пар поднялся вокруг него, на мгновение скрыв его силуэт.

— Слушай, а где он сейчас? — задумался я, повернув голову к Нику.

— М-м? Тот, кто номер оставил? — уточнил он. — Не знаю, мы так и не связались. Может до сих пор в Москве: он говорил, что приехал разыскать кое-кого. А это процесс небыстрый.

Мой мозг ухватился за образ этого мужика, пускай всего пару минут назад я и не подзревал о его существовании. Хотелось повесить на него вину за все: за ржавую воду в кране, за слипшиеся макароны с неаппетитно пахнущим пережеванным мясом, за то, что парой ярких фраз затащил нас в этот серый город. Но я понимал, что это нечестно: мы сами приняли решение, сами сюда приехали.

— Ты опять где-то далеко? — Лисенок тербит меня за плечо.

— Сейчас-сейчас.

— Расскажи про северное сияние. И про холодные волны, которые бьются о белые скалы, со всех сторон окружающие Аквагارد, — подсказывает он.

— Честно говоря, северное сияние я видел нечасто. Чтобы его увидеть, нужно выехать ночью из города, а там холод, ветер, спать хочется! Да, красиво, но ...

— Но ты не ездил за ним, потому что много сражался и уставал, да? — немного разочарованно произносит Лисенок, но потом находитесь. — Зато вы всех победили, стали богатыми, сильными и прокачали свои скиллы.

— Да, сначала было трудно, но мы со всем справились.

В этой общаге мы прожили больше года, ведь нет ничего более постоянного, чем временное. Я совсем отупел на работе, озверел от холода, нищеты и серости. А самое страшное, что мне уже ничего не хотелось: ни смотреть сериал с чашкой кофе в руке, ни общаться со знакомыми в соцсети, ни читать умные книги, ни спорить до хрипоты о смысле жизни. Ник — вот единственный спасательный круг, который держал меня на плаву. Он, казалось, не замечал нашего бедственного положения, по-прежнему улыбался, рассуждал об искусстве и рисовал, рисовал, рисовал. Пальмы и бескрайнее море, замок на песке и тореадора с ярко-красной мулетой в руках, облака и бенгальского тигра в джунглях...

Однажды он позвал меня в свой кабинет и кивком указал на одну из своих работ. У стены стояла картина: привлекательный сероглазый блондин, дерзкий взгляд которого притягивал как магнит. Я не сразу понял, что Ник нарисовал меня, хотя сходство было потрясающим. Мой художник умел видеть красоту даже там, где ее, казалось, быть не могло. Вот и меня он изобразил свободным, юным и немного нахальным. Я стоял на фоне водопада, задумавшись о чем-то.

— Что, не узнал этого человека? — улыбнулся Ник и провел пальцем по краю холста, будто стирая невидимую пыль. — Вот таким ты был в тот день, когда мы встретились. Дон Кихот и Робин Гуд в одном флаконе.

— А почему на фоне водопада, а не на фоне грязной Москвы-реки? — скептически спросил я.

— Просто ты у меня почему-то ассоциируешься с водопадом — такой же сильный, подвижный, глубокий и темпераментный. Не стоишь на месте, а постоянно меняешься и очищаешься от старого и ненужного.

Мне хотелось возразить: «Да разве я такой?» — но слова застряли в горле. Картина была настолько красива, а художник настолько убедителен и талантлив, что я только молча любовался портретом. Ник смотрел на все под иным углом, он видел то, что неподвластно другим. Рядом с моим волшебником хотелось быть лучше, хотелось верить, что именно его взгляд на вещи единственно правильный.

— *А когда вы уже всех победите?* — мой мальчик не очень хочет слушать про этот тускло-серый период нашей жизни.

— *Все постепенно, Лисенок. Первым добился успеха, конечно, твой папа. Только давай об этом уже после завтрака, ты не против?*

— *Ладно, но котлету есть не буду, только макароны. Бабушка их вкусно готовит.*

— *Эх, вьешь ты из меня веревки!* — улыбнулся я, стараясь, чтобы голос звучал легко. *А внутри все еще гулко отдавалось эхо северных зим: холод, серость, и только один человек, который умел видеть свет там, где его, казалось, быть не могло.*

Глава 4

Глава 4

«Success usually comes to those who are too busy to be looking for it» — Henry David Thoreau

Трек: The Winner Takes It All — ABBA

Ник почему-то никогда не верил в себя. Когда я говорил о его гениальности, он только улыбался и отвечал, что друг не может оставаться объективным. Ник хвалил картины учеников, в которых я лично не видел ничего, кроме убогой мазни, восхищался мастер-классами по живописи, которые регулярно смотрел в интернете, но себя считал просто самоучкой-любителем. Переубедить его оказалось невозможно.

Все как всегда решил случай. Я однажды наткнулся на объявление о благотворительном арт-маркете, который собирались провести в областном городе недалеко от нас. К участию приглашались художники, фотографы, дизайнеры, мастера с изделиями ручной работы, студенты творческих вузов и даже талантливые дети. Организаторы проводили отбор экспонатов на выставку, а часть денег от продажи билетов и самих работ направлялась в благотворительный фонд.

Я предложил Нику поучаствовать, и тот сразу загорелся идеей. Он стал допоздна задерживаться в своем холодном школьном кабинете, на время превращенном в творческую мастерскую, готовил работы детей к выставке и даже отобрал на конкурс пару своих картин. Конечно, его работы в неповторимом стиле — короткие мазки для передачи вибрации света, символизм и уникальная цветовая палитра — прошли отбор, а затем были куплены за приличные деньги. Ник не получил с этой сделки практически ничего, кроме чувства удовлетворения, но его талант не остался незамеченным. Начались какие-то непонятные звонки, на которые Ник сначала односложно отвечал, а потом перестал реагировать, сбрасывая вызов. Я пытался выяснить, кто звонит, но он только отмахивался.

А однажды вечером у заpleванного подъезда общаги я увидел блестящий черный BMW, которого наша глушь отродясь не видала. В машине рядом с водителем сидел Ник. Мое сердце пропустило удар, а в груди стало холодно, будто сквозняк из нашего вонючего подъезда вдруг добрался до самого сердца. Этот BMW, пугающий своей гладкой чернотой, вдруг показался мне знаком, что в нашу жизнь пришло что-то чужеродное, хищное и опасное.

Ник не заметил, что я проскочил мимо машины к двери. Я ждал, что он что-то расскажет, но он молчал. В ту ночь я не спал, в красках представляя себе ужасы, которые угрожают моему излишне доверчивому другу. Не в силах больше терпеть, я спросил его с утра, куда он ввязался.

— Я не знал, как тебе сказать — прятал он глаза, — но один серьезный человек хочет со мной поговорить насчет моих картин.

— А ты?

— Не хочу, — покачал он головой.

— Почему? — изумился я.

— Они только для меня. Это моя душа выплескивается на холст. Я не хочу их никому ни продавать, ни показывать.

— Но ведь мне показываешь.

— Так это ты, — протянул он.

— Но тогда, в Москве, ты же хотел продать картины...

— Мне нужны были деньги.

— А на арт-маркете? — я не до конца понимал своего волшебника, но он ведь гений, ему виднее.

— Это на доброе дело, не жалко.

Я не настаивал, в отличие от водителя черного BMW, который приехал еще раз, и еще. Я молчал, Ник нервничал. Вечером, в очередной раз увидев черный джип у подъезда, я постучал по стеклу. Из машины вышел бритый мужик, больше похожий на охранника, чем на ценителя искусства.

— Что тебе надо от Ника? — я чувствовал себя глупо, пытаюсь наезжать на мужика в два раза шире меня в плечах, чьи физические показатели явно превосходили когнитивные, судя по бицепсам и лицу, не обремененному интеллектом.

— Да ничего, — как ни странно, голос бритоголового качка звучал вполне спокойно и вежливо.

— А чего тогда едешь сюда?

— Босс хочет с ним поговорить, а твой дружок ломается.

— Босс? И кто же у нас босс? Меценат? Ценитель живописи? Фамилия его часом не Третьяков? — меня несло, а внутри кипело возмущение пополам со страхом.

— Да нормальный он мужик, чего ты быкуешь?

— Окей, тогда скажи своему хозяину, что завтра вечером к нему приедем, пусть скажет, куда и во сколько.

— Ну ладно. Номер только дай, время скину, как босс ответит. Адрес ни к чему, я сам вас заберу.

На следующий день за нами заехали, мы сели в BMW и устремились навстречу судьбе. Ник для порядка повозмущался, но потом признался мне, что побаивался ехать один, а попросить меня ему было неудобно.

Меня и Ника привезли в лучший ресторан нашего захолустья. Тот самый мужик на BMW, представившийся Богданом, что-то шепнул официанту, и мы, питавшиеся исключительно макаронами, сосисками, консервами и пельменями, ошалели от красоты и божественного запаха блюд. Я наелся семги на гриле, а мой друг впервые в жизни попробовал стейк рибай зернового откорма. Выпили мы всего по бокалу пива, но меня знатно развезло, то ли от него, то ли от вкусной еды, то ли от тепла.

— Богдан, не знаю, как вас по отчеству...

— Василий Андреич.

— Какой еще Василий?

— Богдан — это из-за фамилии, Богданов я.

— Круто, Богдан, то есть Василий, а где же ваш хозяин-филантроп?

— Да вон он, — к нашему столику направлялся высокий темноволосый мужчина. Наши взгляды на миг встретились, и он застыл, нахмурившись. Мне вдруг показалось, что мы встречались раньше, когда-то очень давно. Ведь он рассматривал меня так, будто стремился найти знакомые черты. Наваждение закончилось, когда он подошел совсем близко и чуть охрипшим голосом сказал:

— Простите за опоздание, дела, к сожалению, задержали. Давно хотел с вами познакомиться. Богдан, ты свободен.

— Значит меценат — это вы?

— А вы, я так полагаю, Эрик и Никита, друзья, приехавшие в нашу провинцию из самой Москвы. Интересно, — он вновь изучающе посмотрел на меня, потом перевел взгляд на моего друга.

— А вы кто?

— Простите, не представился. Марк Левицкий, — он протянул мне руку, ухоженную, с длинными аристократичными пальцами, потом рукопожатия удостоился и Ник.

— Что вам нужно? — прозвучало несколько грубо, но лучшая защита — нападение, а его мрачная подавляющая аура и пристальный взгляд пугали меня.

— Уже сказал, что вы оба заинтересовали меня, поэтому надеюсь на долгое и плодотворное сотрудничество.

Оказалось, что процветающий бизнесмен, достойный кандидат в список Forbes Марк Левицкий, кроме прочего — хозяин галереи современного искусства. Он купил одну из картин Ника во время благотворительной акции и проникся талантом художника. Марк предложил Нику организовать выставку-продажу картин в галерее, был мил, вежлив, щедр на обещания и невероятно убедителен. А еще осыпал Ника комплиментами, тонко подмечая детали его работ.

Мне Левицкий не нравился: ни его спокойный голос, ни его холодный взгляд, ни безупречный манеры, ни даже его часы, простые, массивные, наверняка стоящие целое состояние. Ник, который раньше и слышать не хотел о продаже картин, по непонятной мне причине проникся доводами Марка и согласился подобрать несколько работ для выставки. А на прощание Марк почему-то подошел ко мне и произнес тихо, но отчетливо:

— Эрик, вам я бы тоже хотел предложить работу, но не сейчас. Позже, когда вы перестанете смотреть на меня, как на врага.

Честно говоря, не так уж и пьян я был, чтобы пропустить мимо ушей такое, но я не воспринял его слова всерьез. А, наверное, зря.

— *И папа стал знаменитым?*

— *Не сразу, Лисенок. Но со временем многое поменялось, — мой мальчик обожает слушать об отце.*

Мы отобрали несколько картин, а буквально через неделю узнали, что их все выкупили за какие-то невероятные деньги. Через месяц состоялась первая фантастически успешная персональная выставка, затем вышло интервью в «Дизайне. Искусстве. Промышленности», критики писали лестные отзывы, поклонники искусства бросали восхищенные взгляды на полотна моего друга. Ник уволился из школы под дружные причитания беззаветно любившего его женского коллектива и, наконец, осуществил свою мечту — рисовал целыми днями и поступил заочно учиться на «Дизайн и современное искусство». Место жительства у него тоже поменялось — он взял в ипотеку квартиру, одну из комнат которой превратил в мастерскую. Мы больше не жили в одной общаге, не работали вместе, не встречались ежедневно.

Мне так не хватало наших душевных бесед, во время которых мы пытались блеснуть интеллектом друг перед другом, его смеха и творческих запоев, когда он рисовал всю ночь, а наутро я варил ему крепкий кофе, любуясь кругами под глазами и взлохмаченной челкой. Мой волшебник все больше времени проводил с Марком, перенимая его привычки — ресторан, дорогие часы, брендовая одежда, и спокойный холод в голосе, который я замечал раньше только у Левицкого. Даже взгляд стал другим: не мечтательным, а оценивающим, будто он теперь измерял мир по каким-то новой неизвестной мне шкале. Я был лишним в их тандеме. Ник пытался помочь мне деньгами, но гордость не позволяла мне воспользоваться его финансовой поддержкой. Я съездил на персональную выставку Ника и увидел, что его новые работы тоже несколько изменились. Это уже не были те удивительно трогательные полотна, которые он не хотел показывать никому, будто в них была часть его души. Картины были совершенными, но больше не трогали моего сердца, наверное, потому что я был обижен на моего волшебника, который больше таковым не являлся. Я ревновал, злился на весь мир и изо всех сил пытался убедить себя, что для Ника так лучше.

— *Это тот колдун сделал так, что вы поссорились, и заколдовал папу.*

— *Не знаю, Лисенок. Тогда мне было очень грустно, и я даже начал слегка завидовать и Марку, и Нику — у них были талант, деньги, успех, а у меня только несбывшиеся мечты и тысяча до зарплаты.*

— *Но ты ведь тоже разбогател?*

— *Давай об этом потом, Лисенок!* — я улыбнулся, но улыбка вышла кривой, потому что не хотелось, чтобы он видел, как мне больно от того, что я не могу быть для него тем самым героем из сказки.

Глава 5

Глава 5

«Money often costs too much» — Ralph Waldo Emerson

Трек: Billionaire — Travie McCoy

Как-то вечером в воскресенье раздался звонок с незнакомого номера. Я, решив, что это снова какая-нибудь взволнованная мамаша ученика, недовольная тройкой по английскому, конечно, трубку не взял. Звонили настойчиво, несколько раз, так что в конце концов я просто малодушно выключил звук и убедил себя, что у меня тоже есть право на отдых.

Через час раздался стук в дверь. Никакой приватности: вечно соседи по общежитию за чем-то приходили — то за сахаром, то за чаем, то за деньгами до получки, то за сочувствием. А иногда просто нужны были свободные уши, чтобы выслушать пьяные бредни и жалобы на конские цены и не желающее войти в положение правительство. Я открыл дверь и застыл, увидев на пороге Богдана-Василия Андреевича.

— Ты чего трубку-то не берешь?

— А это вы мне звонили? — такого я не ожидал.

— Можешь мне не выкатывать. Босс же сказал, что хочет предложить тебе работу, че не пришел к нему? Гордый? — он, крупный мужик с суровым взглядом, бритым черепом и громким голосом, странно смотрелся в моей обшарпанной крохотной прихожей.

— Предложить работу? Я вообще-то не художник, картины не рисую.

— Да галерея у босса так, для души. У него и другие проекты есть, поинтереснее.

— И какие же? — не хотелось звучать чересчур заинтересованным.

— Это уж он тебе сам расскажет.

— Твой босс опять в ресторан приглашает? — у меня на ужин была гречка с тушенкой, и от вкусной еды я бы не отказался.

— Обойдешься, босс сегодня занят, а вот завтра придешь к нему в офис.

— Во-первых, завтра понедельник, я до ночи работаю. А во-вторых, ты меня чего, не отвезешь?

— Не нарывайся, парень! Вот тебе визитка, подъедешь завтра по адресу к девяти утра. Не опаздывай и не вы...пендривайся, босс дважды предлагать не будет.

— Я подумаю.

— Как знаешь.

Мы попрощались, и я пошел спать. Как ни странно, сразу заснул и не думал ни о Марке, ни о Богдане-Василии, ни о странном приглашении. Наутро, проснувшись, я понял, что никуда, кроме своей любимой работы, не пойду. Интуиция вопила, что мне не надо связываться с этими людьми, и, забыв о вчерашнем визите, я чуть ли не впервые в жизни решил ее послушать. Кстати, моя интуиция не такая уж глупая дама, как оказалось впоследствии.

Прошло полторы недели, я запретил себе думать об упущенных возможностях, погружившись в школьную рутину с головой. В четверг, возвратившись домой после родительского собрания полумертвый, я увидел, что моя дверь не заперта. На кухне сидел Ник, с шикарной стрижкой, в мягком даже на вид кашемировом свитере цвета капучино, который выгодно оттенял его янтарные глаза.

— Привет!

— Привет, — я не знал, что сказать, и пауза несколько затянулась.

— Почему ты не пошел к Марку?

— Ник, это ты попросил его взять меня на работу? Спасибо, конечно, но я и сам в состоянии позаботиться о себе.

— Я ни о чем его не просил. И зря ты не хочешь с ним поговорить, он спрашивал о тебе, говорил, что видит твой потенциал. Эта твоя тупая работа за нищенскую зарплату... Поверь, ты достоин большего.

— Меня все устраивает, предпочитаю обходиться без помощи мутных личностей!

— Это из-за меня? Из-за того, что я уехал, а ты остался один? — он явно волновался, и это было дико приятно.

— Нет, не из-за этого. Хотя мне гораздо больше нравился тот Ник, который рисовал с детьми в школе, который не хотел продавать свои картины. Наверное, ты сейчас скажешь, что я просто завидую, но это не так. Есть вещи гораздо важнее квартиры, машины, кашемирового свитера и часов Jaeger-LeCoultre.

— Ты прав. Но знаешь, попав однажды в мир люксовых брендов, понимаешь, что отказаться от него почти невозможно.

— Тебя никто и не пытается вернуть обратно!

— Эрик, но я задыхаюсь там один, без тебя. Я схожу с ума! Мне не с кем поговорить, некому показать картины и поделиться задумками. Никто больше не смеется над моими шутками, никто не подкалывает и не устраивает со мной интеллектуальные турниры, в которых нет проигравших.

— Не смейся, у тебя куча почитателей!

— Да, тупых льстецов, которые считают мои картины модным аксессуаром для их гостиной, не более! Ни мои чувства, ни мои задумки им неинтересны.

— А Марк? — все-таки именно он был главным злом в мире денег и прекрасных иллюзий.

— Он умный прагматик. Ни романтизма, ни тонкого чувства прекрасного в нем нет. Это только ты понимаешь меня с первого слова, а мои картины — с первого взгляда. Моё творчество для него — неплохое вложение денег и модная прихоть. Я — лишь средство для достижения его целей, до конца мне неясных.

— Так мы можем общаться и дальше!

— Да, но я бы все-таки хотел, чтобы ты выслушал предложение Марка. Ты лучший человек из тех, которых я встречал в своей жизни. Ты достоин большего, чем тошнотворный дух общаги и уроки в классе коррекции, просто попробуй!

Я видел, что он искренне верит в то, что говорит, и как всегда не смог ему отказать.

На следующий день Марк позвонил мне сам и назначил встречу. А вечером я уже был в областном городе, не таком захолустном и депрессивном, как наш, в современном офисе целиком из стекла и металла. Я сидел в неудобном кресле напротив господина Левицкого и почти не слушал его. Я примерно представлял, чем он занимается: портовый бизнес, логистика, терминалы. В лихие девяностые там все было по-другому, а сейчас — официально, дорого и почти без конкурентов. И вот посреди всей тяжеловесной, но стабильно работающей бизнес-машины Левицкий смотрел на меня и говорил, что я ему нужен.

— Вам всегда удастся меня удивить, Эрик! То вы отказываетесь от предложений, за которые другие готовы бы были на все, то витеаете в облаках, когда я рассказываю вам о перспективах.

Марк внимательно взглянул на меня, и взгляд его застыл, будто хотел найти во мне знакомые черты. А потом он вдруг нахмурился, будто вспомнив что-то неприятное.

— Я читал о портовом бизнесе и знаю, что он требует огромных вложений, особенно на начальном этапе, — начал я. — Но и рентабельность у него чрезвычайно высока, тем более у Вас, фактически монополиста.

— В который раз отмечаю ваш ум, Эрик. Интересно, интеллект передался вам от родителей?

— Не тратьте времени, я не падоk на лесть, — отмахнулся я.

— Я старше и много повидал в жизни. Поверьте, я разбираюсь в людях. У вас гибкий и подвижный ум, вы образованы, начитаны, умеете убеждать, не алчны и не поступитесь своими принципами ради наживы. Кроме того, вы самостоятельны, способны на неординарные поступки и нестандартные решения. Такой человек нужен в моей команде. Предлагаю вам должность координатора международных проектов.

Марк, как удав Каа из «Книги джунглей», гипнотизировал, обладая животным магнетизмом. Он, тонкий психолог и умелый оратор, притягивал, убеждал и подчинял своей воле. Я сам не понял, как рука потянулась к ручке. Наверное, не из-за денег и не из-за статуса, а из-за того, что он говорил про нестандартные решения и сложные переговоры — про то, что мне всегда нравилось. Сам не знаю как, я подписал контракт и через две недели начал работать на него. «Ладно, — подумал я, — пусть будет эксперимент. На полгода. Если не мое — уйду».

Я боялся, что не справлюсь, что мне будет не по силам то, чем нагрузил меня Левицкий, ведь я просто лингвист по образованию. Но я смог, мне нравилось развиваться, заниматься самообразованием, браться за новые проекты и бросать вызов окружающим и самому себе. Я вел переговоры, общался с партнерами, добиваясь наиболее выгодных условий, совершенствовал свой разговорный английский и учил китайский. Как и мой друг в свое время, я тоже переехал из общаги в собственную квартиру-студию, взятую в ипотеку, купил машину, быстро привыкнув к комфорту. Ника я снова видел почти каждый день, неловкость и недосказанность между нами сошла на нет, мы вновь были лучшими друзьями. Я мог бы назвать себя счастливым, если бы не предчувствие, что вскоре эта сытая и беззаботная жизнь закончится.

— *Давай про это завтра? — мое сокровище заглядывало мне в глаза тревожно и чуть-чуть устало.*

— *Боишься, Лисенок?*

— *Нет, просто это, по-моему, самая интересная часть, а у меня глаза уже слипаются...*

Вот такой у меня ребенок, и за что только мне этот подарок судьбы?

Глава 6

Глава 6

«The most common form of despair is not being who you are» — Søren Kierkegaard

Трек: The End — The Doors

Однажды ко мне приехал Ник — взволнованный, слегка навеселе, совсем на себя не похожий. Никогда не видел его таким: глаза блестели, на обычно бледных щеках играл румянец, будто он только что выбежал из горящего дома или выиграл в лотерею.

— Ник, что случилось?

— В нашей пьесе эта реплика принадлежит мне... — чуть заплетающимся языком ответил он.

— Не понял, — нахмурился я.

— Слушай, как случилось, что ты стал таким? — видно, теперь пришла его очередь вправлять мне мозги.

— Каким?

— Ну... — он на минуту задумался, подбирая слова, — ты перестал читать, смотреть фильмы, перестал говорить со мной. Не споришь, не обсуждаешь свои планы. Не мечтаешь об отпуске на Индийском океане, не рассказываешь про Жюль Верна, про джунгли и про трюм корабля. Твои планы теперь — это только договора, переговоры и прибыль. Я смотрю на тебя, а вижу Марка.

— Но ты ведь тоже был им очарован сначала?!

— Как очаровался, так и разочаровался. — он уселся в кресло и положил ноги на мой новый стеклянный журнальный столик.

— Разочаровался значит, — протянул я. — И почему же, позволь спросить? Ведь наше общение с сильными мира сего — твоя инициатива, насколько я помню.

— Все это: и инициатива, и разочарование — лишь часть стратегии, — он откинул голову на подлокотник кресла и замолчал.

А потом добавил:

— Знаешь, Марку не подходят никакие клише. Его не назовешь ни акулой бизнеса, ни волком-одиночкой. Он этот... как его.... — Ник задумался, — воронковый паук. Выглядит не крупным и не особо опасным. А яд парализует за несколько минут. Молниеносная реакция и высокая эффективность. И сети в виде воронки. Раз — и ты уже его жертва, сам не понял как и почему.

Я смотрел на друга, открыв рот.

— Я тебя ему не отдам, — продолжил Ник, — и разочаровываться в тебе не хочу. Помнишь, — он задумчиво посмотрел на меня, — ты со мной говорил тогда, на кухне в общаге. И после нашего спора я понял, что теряю что-то важное. Знаешь, что это было? Моё собственное «я»! Теперь ты совершаешь такую же ошибку. Твоя воля парализована, ты уже в сетях!

Ник вдруг ткнул пальцем в мой портрет на фоне водопада, что висел теперь у меня в гостиной:

— Посмотри на себя!

Я бросил взгляд на картину, хотя знал её до мельчайших деталей.

— Когда я писал эту работу, я сравнивал тебя с водой, но не имел в виду, что вода принимает форму сосуда, который заполняет.

— То есть?

— Ты стал тем, кто удобен Левицкому. Ты больше не Эрик, а функция, машина, которая приносит прибыль. Ты сам себя превратил в шестеренку, и она уже скрипит от усталости. Глянь в зеркало! Не лицо, а маска: отсутствующий взгляд, сжатые челюсти, заломы между бровей.

Когда ты последний раз улыбался и радовался жизни? Ты больше не Эрик, безумный викинг, завоеватель и фантазер. И не эстет Ремарк, ранимый меланхолик. Ты теперь даже не Эрик Призрак Оперы, ты просто Призрак самого себя. Не могу это больше видеть!

А потом он ушел, хлопнув дверью. А я сидел на кухне, курил и ужасался, проходя все стадии принятия — отрицание, гнев, потом почему-то сразу депрессия — пустота и безнадега. Дальше, как обещали психологи, должно быть обретение покоя и готовность двигаться дальше, но ничего подобного не наступало.

Ник был прав. Когда я последний раз гулял в парке? Когда я последний раз смотрел на искры костра? Да что там говорить, я даже не помню какая сегодня с утра была погода, и опали ли уже листья с деревьев. Мама рожала меня для счастья и любви, а я живу ради контрактов и подписей. Так, стоп, а когда я последний раз звонил маме? Пару месяцев назад я просто настроил в онлайн-банке регулярные переводы на ее карту и больше ни о чем не думал. Она звонила мне, но я говорил: «Занят, перезвоню» — и не перезванивал. Когда я стал таким? Что теперь делать? Как изменить ситуацию?

В понедельник я не пошел на работу — просто забил, никого не предупредив. Во вторник Богдан-Василий явился ко мне, молча заломил руку так, что хрустнули суставы, и впихнул в машину, будто я был мешком картошки, а не человеком. Через полчаса я молча вышел из машины в футболке и домашних штанах, несмотря на прохладный сентябрь, молча прошел в кабинет Марка под смешки секьюрити и недоуменный взгляд секретарши. Сел в кресло и закурил. Марк, не выносивший сигаретного дыма, хмурился и молчал. А мне не хотелось ничего, только сидеть, курить и смотреть в одну точку.

— Я все понимаю: кризис, выгорание, депрессия. Но ты слишком ценный ресурс для моего бизнеса, чтобы его терять, поэтому ты временно поработаешь под моим личным контролем над индивидуальным проектом с минимумом посторонних контактов. Общение, особенно с Ником, пока тебе вредно, поэтому Богдан проконтролирует его отсутствие.

— Я не нанимался жить в клетке под твоим личным контролем.

— Нанимался, когда подписал контракт. И будешь делать, что я скажу, — его голос звучал так жестко и холодно, что меня начало трясти, то ли от страха, то ли от ярости. И я вспомнил слова Ника про паука и его жертву.

— Я не марионетка, чтобы меня дергали за ниточки.

— И тем не менее, будешь делать, как скажу я, если не хочешь неприятностей для себя и своих близких.

— Ого, угрозы?

— Я не хотел, но ты вынуждаешь, — я был не настолько глуп, чтоб не понимать, что Марк, бизнес которого начинался с криминальных схем и нелегальных сделок, не был добрым дядюшкой, взявшимся опекать двоих парней, к которым проникся симпатией. Но то, что он может быть настолько жестким и опасным, осознал впервые.

На следующий день я сидел в офисе, в тщательно отглаженной рубашке и в галстук, сосредоточенный и тихий. С этого дня я фактически стал личным ассистентом Марка. Я следил за его рабочим графиком и вел календарь, варил кофе и переводил документы, заказывал для него столик в ресторане и готовил аналитические справки, мониторил дедлайны и отвечал на звонки. Теперь я был не роботом, как раньше, а рабом шефа. Левицкий впихивал, как проклятый, ничего не забывал и не оставлял без личного контроля, просчитывал все на десять шагов вперед. От меня он требовал того же.

Однажды Марк вызвал меня к себе и указал на стул.

— Ты нравишься мне таким, каким стал последнее время, исполнительным, серьезным и четким. Ты выдержал, не сломался, справился со всеми проверками — стрессами, деньгами, депрессией. Значит, можно двигаться дальше.

— Интересно, куда?

— Мне нужны свои люди во власти. Мэр нашего города в свое время охотно делал то, о чем его просили серьезные люди. Сейчас он забыл, кто сделал его мэром. Серьезному бизнесу это мешает. Да и люди им недовольны — плохие дороги, жалобы на коммунальщиков, работу транспорта и незаконную торговлю. Да еще и недавний запрет митингов из-за режима повышенной готовности, объявленного в городе. Мэр зарвался, его многие обвиняют в слишком авторитарном стиле правления, а некоторые даже считают взяточником и обвиняют в нецелевом расходовании бюджетных средств.

— Я настолько далек от политики, что не знаю ни фамилии мэра, ни как он выглядит, — махнул я рукой.

— Ничего, фамилию мэра, которого выберут через четыре месяца, ты будешь знать хорошо, — усмехнулся Марк.

— Это еще почему? — насторожился я.

— Это будешь ты. Я же сказал, свои люди во власти нужны серьезному бизнесу.

Его спокойный, гипнотизирующий голос снова вводил меня в транс и лишал сил сопротивляться. Но то, что он сказал сейчас, заставило меня вскочить со стула. Я склонился над ним, почти уткнувшись носом в его лицо и заглянул в эти спокойные, почти стеклянные глаза — будто передо мной сидел киборг, который уже принял решение и не собирался его менять. Я проговорил чуть ли не по слогам, почти не веря, что это хоть что-нибудь изменит:

— Я не хочу.

— Мальчик, тебя давно уже никто не спрашивает, что ты хочешь, — так же медленно и четко проговорил Марк. — Через месяц начало предвыборной кампании, нам нужно обдумать твою тактику и подготовить почву. Ты обаятелен, умен, молод, образован, обладаешь даром убеждения — идеальный кандидат. Остальное — дело твоей предвыборной команды, ну, и некоторых финансовых вливаний с моей стороны.

Спорить с Марком было бесполезно, поэтому я начал искать альтернативные пути к отступлению. Деловой партнер моего босса однажды предложил мне перейти работать к нему, я тогда отказался, но в тот вечер нашел в бумажнике спрятанную на всякий случай визитку, позвонил и договорился о встрече. Я не боялся, что это будет выглядеть подозрительно. Переговоры шли полным ходом, и я регулярно участвовал в них, часто отвозил документы и общался с нужными боссу людьми. На следующий день я приехал в офис своего потенциального будущего работодателя. Здание было почти таким же шикарным, как у Марка, разве что оформление было в более классическом стиле, а не в любимом Марком хай-теке. Хозяин офиса был подтянутым мужчиной около пятидесяти, бывшим сотрудником спецслужб, что наложило отпечаток на его стиль общения с персоналом, а, следовательно, и со мной тоже — сдержанный, лаконичный и авторитарный. Мы любезно побеседовали, расстались вполне довольными друг другом, и он сказал, что служба безопасности еще раз изучит мое личное дело, и мне сообщат решение. Я ушел от него с надеждой. Даже спал в ту ночь спокойным сном, а не тревожным и прерывистым, как несколько предыдущих.

Через неделю Марк позвал меня в кабинет.

— Значит, хочешь бросить меня? — взгляд был холоднее льда.

— Хочу поменять место работы, это нормально, — отпираться было бесполезно.

— Жаль, но тебе придется отказаться от идеи работать на Белова.

— Почему? — холодок побежал по спине, как часто случалось в кабинете Левицкого.

— Ему сегодня предъявили обвинение в отмывании денежных средств, незаконных финансовых операциях и выводе капитала за рубеж. Счета фирмы заблокированы, думаю, будет инициировано банкротство.

— Но... это ты постарался? — осенило меня.

— Единственное, что могу тебе сказать, мне было обидно, что ты хочешь меня бросить, — горестно вздохнул Марк.

Ясные глазки изучающе смотрят на меня:

— *И ты испугался?*

— *Я понял, что недооценивал Марка.*

— *И ты стал правителем Аквагарда?*

— *Да, стал. Через несколько месяцев.*

— *А мой папа Ник?*

— *Он понял, что я попал в паутину Марка, и не бросил меня даже тогда, когда мне казалось, что я сам себя потерял.*

На следующий день я пришел к Марку, но он был занят и не принял меня. Богдан-Василий Андреевич снова посоветовал не вы...пендриваться — босс лучше знает, что мне нужно.

Через неделю, которая прошла для меня, как в тумане, я все-таки был удостоен внимания Марка.

— Ты все обдумал?

— Да, но....

— Не может быть никаких но, — он не угрожал, не повышал голос, был абсолютно спокоен, однако меня не покидало чувство, что его гипнотически застывший взгляд — взгляд кобры, затаившейся перед броском. Его глаза, начисто лишённые сочувствия, так же холодно и безэмоционально смотрели на жертву, выражая лишь чистый инстинкт и расчет.

— Чтобы идти в политику, надо мало того, что обладать определенным складом характера, надо еще обладать хоть какими-то знаниями в этой области и иметь соответствующий опыт, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.